
В.И. Матузова

КРЕСТОНОСНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКАХ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ
(XIII–XIV вв.)

Статья посвящена месту крестоносной идеологии в письменных памятниках Тевтонского ордена в Пруссии (XIII–XIV вв.) – в его историографии и поэтических парафразах Ветхого Завета. Особое внимание уделено «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга (первая треть XIV в.), поэтическому переложению на немецкий язык «Книг Маккавейских» и ряда других книг Библии («Иудифь», «Есфирь», «Ездра и Неемия»). Крестоносная идеология, присутствующая в этих памятниках, служила интересам Тевтонского ордена в период завоевания им Пруссии, одновременно способствуя формированию самосознания и укреплению ордена как воинской корпорации.

Ключевые слова: идеология, крестовые походы, Тевтонский орден, Пруссия, Петр из Дусбурга, Библия

Крестоносной идеологии посвящен не один том международной историографии. Не претендуя на ее полный охват на страницах одной ограниченной листажом статьи, автор ставит своей задачей показать основные моменты крестоносной идеологии на материале письменных источников Тевтонского ордена в Пруссии, основываясь на трудах своих коллег (предшественников и современников) и на собственных наблюдениях в процессе изучения письменных памятников ордена.

Тевтонский орден был учрежден в 1190 г. в Святой земле, во время 3-го крестового похода. Однако его связь с крестовыми походами гораздо шире, она выходит за географические границы его возникновения и даже ломает хронологические рамки классических крестовых походов. Уже покинув Святую землю и пребывая в Пруссии, где на завоеванной во второй половине XIII в. территории ему удалось основать так называемое автономное (территориальное) государство, Тевтонский орден не переставал ощущать себя (как о том свидетельствует «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга) и по сути оставаться крестоносным

орденом¹. Недаром верховный магистр Герман фон Зальца (1209–1239) получил для своего ордена в 1221 г. от папы Римского Гонория III (1216–1227) равные привилегии с тамплиерами и госпитальерами: Петр из Дусбурга отметил в своей хронике, что магистр «просил и **получил крест**, чтобы проповедовать от имени Апостольского Престола (взявшего Пруссию под свою защиту. – *В.М.*) в королевствах и провинциях, назначенных тогда в помощь земле Прусской» (ПД. II. 13), что было, по сути, главным основанием для осуществления крестового похода, действие которого фактически переносилось из Святой земли в Пруссию. Пруссия явно приравнивалась к Святой земле, о чем свидетельствует тот факт, что в 1245 г. папа Иннокентий IV (1243–1254) подтвердил данные Гонорием III привилегии и индульгенции направлявшимся в Пруссию пилигримам, «как давались они идущим в Иерусалим» (Там же).

Таковы основополагающие моменты. А по сути все нарративные письменные сочинения Тевтонского ордена, т.е. его историография и поэтическая литература, равно как и его иконография², так или иначе являются выражением крестоносной идеологии, ее богословского содержания и жизненной практики, будь то литургия, миссия или военное дело, – всё, что в конечном счете формировало не только упоминаемые Петром из Дусбурга «столпы» (в довольно широком аллегорическом смысле), поддерживавшие орден, но и менталитет рыцарей-монахов (поскольку рождению крестоносной идеологии послужили не только социально-политические условия, но и в известной мере духовность, менталитет и психология [Rousset 1945. P. 11]), воистину ставший гарантом его многовекового существования.

Памятником крестоносного коллективного сознания ордена является «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга, не просто создавшего апологию Тевтонского ордена и завоевания им Пруссии, но использовавшего для этого красноречивые факты, совокупность которых недвусмысленно свидетельствует: завоевание

¹ Идеал крестового похода сохранялся в XIII–XIV вв., когда полным ходом шла колонизация Пруссии, и этот «кажущийся анахронизм (*scheinbare Verspätung*) служил вполне актуальным интересам (*dient durchaus aktuellen Interessen*)» (Wenzel 1980. S. 28).

² К ней относятся иллюминированные списки «Апокалипсиса» Генриха фон Геслера (Торунь (Польша), Университетская библиотека, Ms. 44, 64). В одной из рукописей (Ms. 64) имеется вставной фрагмент, отражающий крестоносную идеологию; в другой ту же задачу выполняют миниатюры (Karłowska-Kamzowa 1991. S. 126–134).

Пруссии – это праведная, священная война, которую братья-рыцари ордена ведут во имя христианской веры. Время св. Адальберта Пражского (Войцеха) (955–997), Бруно Кверфуртского (970/74–1009) и епископа Христиана (ум. 1245) прошло. Мирная миссия во всех случаях закончилась гибелью проповедников. Как пишет Петр из Дусбурга, «семя слова Божьего... упало на скудную почву <и> не принесло никакого плода» (ПД. II. 1). Настало время крестового похода, задачей которого была не только война за христианскую веру, но и типичная для войн всех времен экспансионистская задача завоевания новой территории. Тевтонский орден, возникший в Святой земле как госпиталь и вскоре (в 1198 г.) получивший статус духовно-рыцарского ордена, в Пруссии на практике превратился в военный, рыцарский орден.

Поле сражения переместилось с Ближнего Востока в прибалтийские земли, в Пруссию и Ливонию, но, поскольку эти земли были приравнены к Святой земле, то и тевтонские рыцари в своем сознании и в глазах современников оставались крестоносцами. Напоминанием этого служат 78–80 главы IV части хроники («О событиях»), в которых нашли отражение обстоятельства и причины 1-го крестового похода, а затем (кратко) – причины упадка крестовых походов и, словно кульминация, «Плач о запустении Святой земли» и «Призыв Святой земли к христианам во спасение свое», с затаенной надеждой на несбыточное: возрождение крестовых походов в Святую землю и ее отвоевание. Спустя триста лет такую же, но не высказываемую откровенно надежду на возвращение уже навсегда потерянной Пруссии будут питать орденские рыцари.

Крестоносцы появились в Пруссии в начале 30-х гг. XIII в. по приглашению мазовецкого князя Конрада, обратившегося к Тевтонскому ордену с просьбой помочь в отражении разорительных набегов пруссов. Именно в Пруссии появились письменные памятники ордена, прежде всего – его историография и важнейшее среди исторических сочинений «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга. Завершенная в 1326 г., она отражала историю завоевания орденом Пруссии ретроспективно (хронист предупреждает читателей о том, что хронология описываемых событий зачастую нарушена, а многие события уже забыты). Однако, безошибочно следуя правилам жанра крестоносной хроники, Петр создает, можно сказать, «программное» сочинение ордена, являющееся одновременно его апологией и своеобразной «энциклопедией».

В отличие от Святой земли, на отвоевание которой от инаковерующих мусульман отправлялись христианские крестоносцы, Пруссия была последним островком язычества в Европе, и пруссов скорее можно было бы назвать «неверными» или «неверующими», хотя пруссы обожествляли природу, о чем было известно и Петру из Дусбурга (ПД. III. 5); всё же подобный пантеизм не означал для хрониста подлинную религию, и он, называя пруссов идолопоклонниками, пишет, что «пруссы не имели понятия о Боге». Именно поэтому пруссы – не только грешники, не раз называемые на страницах хроники «детьми Велиала», но и злейшие враги христиан, несущие ущерб и гибель христианскому миру, а главное – католической церкви: в Риме их называли «сарацинами Севера» (Düsterwald 1973. S. 17). Едва начав повествование о вторжении крестоносцев в Пруссию, Петр из Дусбурга перечисляет злодеяния пруссов: «...250 приходских церквей, не считая... часовен, мужских и женских монастырей, предали они огню. Убивая священников и прочих клириков... одних за пределами церкви, других – внутри, многих в алтаре, когда они служили телу и крови Господа нашего Иисуса Христа, сами святыни в знак презрения Бога непочтительно бросив на землю, попирали ногами. Унеся чаши, амфоры и прочие церковные сосуды и облачение, предназначенное для богослужения, они обращались с ними кощунственным образом; девушек, посвященных Богу, бесстыдно использовали для своей похоти... не хватит слов, чтобы вполне описать, сколько зла и мерзости содеяли они вере и христианам» (ПД. II. 2). В дальнейшем хронист не раз пишет о том, что «церкви, часовни и молельни Божии они сжигали, с церковными святынями кощунственно обращались, церковное облачение и сосуды использовали непозволительным образом, священников и прочих служителей церкви беспощадно убивали» (ПД. III. 90). Во время восстаний (их Петр из Дусбурга насчитывает пять) пруссы нанесли «большой ущерб образам святых, церковному облачению и прочему, предназначенному к служению Богу, и церковным святыням» (ПД. III. 148). Подобным обвинениям на страницах, повествующих о литовской войне, подвергаются и литвины, вторгшиеся во главе с кастеляном Гарты Давидом в Ревель, землю короля Дании, и убившие там «многих священников, приходских и монастырских», оскверняя при этом «святыни, церкви, облачение и алтарные сосуды и всё, относящееся к богослужению» (ПД. III. 243); великий князь литовский Витень (1293/95–1316) привел в

Польшу воинов, и они убили собравшихся на службу в церкви людей, а саму церковь сожгли дотла (ПД. III. 250). В другом походе войско Давида вошло в Мазовию, где разгромило «огнем и мечом» «30 приходских церквей и часовен со многими молельнями, посвященными во славу Божью... Кошунственно обращаясь с церковными святынями, облачением и сосудами, священников, монастырских и приходских, и прочих людей обоего пола уничтожили они свыше 4 тысяч» (ПД. III. 357). И, словно подводя итог всему сказанному, хронист пишет: «Ни один нормальный человек не может без слез подумать о том, сколько зла и какое великое побоище народа Божьего содеяло и сколько ущерба причинило это войско <язычников> святыням церкви и ее служителям» (ПД. III. 192). Подобные описания (как бы растянутый на всю «Хронику» обвинительный акт против пруссов) легитимизируют поход крестоносцев в Пруссию, уподобляя его крестовым походам в Святую землю. Исторические сочинения Тевтонского ордена в Пруссии были разновидностью «литературы крестовых походов, а его земля (т.е. Пруссия. – В.М.) стала местом войны, колонизации и миссии» (Jungbluth 1969. S. 36).

Завоевание Пруссии получает богословское оправдание, и хронист усматривает его на высочайшем уровне, неоднократно напоминая, что «Бог на стороне братьев» (ПД. III. 21), что «Господь сражается за братьев» (Там же. III. 75), и потому крестоносцы ведут войну с пруссами, не теряя надежды, что «Господь охранит и поможет» (Там же. III. 193). Хронист создает прочную духовную основу, соединяющую Бога и крестоносцев (Trupinda 1999. S. 174). Многочисленные случаи *чудесного* спасения рыцарей ордена объясняются Петром из Дусбурга именно божественным участием; точно так же к чудесам относятся и успехи в обращении пруссов в христианство, а это, несомненно, свидетельствует, что крестоносцы ведут праведную, священную, войну.

Оправданием действий Тевтонского ордена в Пруссии служила и агиография. У ордена было три «официальных» святых покровителя: Дева Мария, исполнявшая роль посредницы между орденем и Господом; святой Георгий, служивший образцом в войнах с язычниками; святая Елизавета, известная своим служением ближнему. Они олицетворяли собою разные стороны существования ордена (Wüst 2013. S. 31).

В ордене, в само название которого входило имя Марии, несомненно имелись все предпосылки к развитию ее культа. Верховный

магистр ордена Дитрих фон Альтенбург (1335–1341) назвал Деву Марию «госпожой и защитницей (*howbtfrowe und beschirmerinne*)» ордена (Rosenberg 1967. S. 322; Arnold 1999. S. 270). Тевтонский орден в Пруссии и Ливонии, землях, объявленных принадлежавшими Деве Марии (и в этом тоже усматривают аналогию Святой земле, мыслившейся землей Иисуса Христа), стал инициатором крестовых походов в Восточной Прибалтике. «Рыцари Марии» (*Marienrittere*) вели войну с язычниками во имя своей покровительницы (Arnold 1999. S. 270–271), и нередко походы, совершавшиеся в XIV в. западноевропейской знатью на Литву, начинались в праздники, посвященные Деве Марии: Очищение (*Purificatio*), или Сретение Господне (2 февраля), Вознесение (Успение) Марии (15 августа), Рождество Марии (8 сентября). Однако в отличие от Святой земли, где культ Иисуса носил вполне религиозный характер, в Пруссии культ Девы Марии всё больше политизировался, вписываясь в систему политических взглядов руководства ордена и выражая устремления ордена как «территориального князя». Кроме того, культ Марии феодализировался и стал служить упрочению политических позиций ордена и его владычества в Пруссии, при этом Дева Мария в глазах крестоносцев превращалась в сюзерена (под ее стягом тевтонские рыцари шли в бой), госпожу завоеванных земель, а орден – в ее вассала (Dugo 1989. P. 63–64).

Особенно укрепился в Пруссии культ святого Георгия, воплощавшего собою рыцаря, выступавшего против зла и язычества, а также миссионера и мученика. В ордене, заявившем о себе как о рыцарском, как об ордене, завоевавшем Пруссию и ставшем ее хозяином, святой Георгий мыслился не только помощником в воинских подвигах, но и идеальным образцом для подражания в войне с язычниками (Wüst 2013. S. 26). Петр из Дусбурга описывает походы и победы крестоносцев, совершенные на рубеже XIII–XIV вв. в день «святого мученика Георгия» (ПД. III. 235, 238), а под 1259 г. сообщает, что на горе Святого Георгия крестоносцы построили одноименный замок (Георгенбург) (Там же. III. 83, 84). В дальнейшем в орденской Пруссии появились сотни приходских церквей; многие из них были посвящены святому Георгию или имели посвященные ему алтари (Arnold 2002).

Культ святой Елизаветы в корпорации был непосредственно связан с вступлением в орден Конрада Тюрингского, деверя ландграфини, и с его пребыванием верховным магистром Тевтонского ордена (1239–1240). Вероятно, к концу XIII в. относится

появление «Пассионала» (*Passional*), сборника поэтических житий почитавшихся в ордене святых мучеников, среди которых было и житие святой Елизаветы (*Passional* 1852. S. 618–629). Снискавшая известность своей благотворительностью, канонизированная Елизавета Тюрингская особенно подходила Тевтонскому ордену как госпитальному; и хотя в Пруссии эта его функция отошла на второй план, святая Елизавета оставалась его покровительницей – равно как и ряда орденских госпиталей на территории Священной Римской империи (Arnold 1983).

Агиографический материал является неотъемлемой составной частью крестоносной идеологии, какой она предстает на страницах «Хроники» Петра из Дусбурга. Однако хронист не ограничивается тремя упомянутыми святыми покровителями ордена; он не упускает случая представить святыми мучениками (а в Средние века мученичество служило критерием святости) рыцарей Тевтонского ордена, то распространяя это понятие на корпорацию в целом, то приравнивая к мученикам конкретных рыцарей. Примеров (*exempla*) последних в «Хронике» множество, и большинство из них приняли мученическую смерть от пруссов (ПД. III. 66, 90, 91, 145, 189, 338). Вероятно, монашеский идеал бедности, самоотречения и физических мучений сложился под влиянием францисканского благочестия (Dugo 1993. S. 168).

Обычно хронист обращается к Библии, то и дело стирая временные границы между далеким прошлым и не столь давними или даже современными ему событиями. Приобщая крестоносцев к библейским праведникам, он использует для описания испытанных рыцарями мучений фрагменты послания апостола Павла к евреям: «иные же замучены были, другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11: 35–38). В других местах хронист пишет, что «невозможно должным образом поведать, скольким тяготам, скольким опасностям и скольким трудностям постоянно подвергались магистр и братья, чтобы через них вера Христа могла бы получить должное распространение, и чтобы раздвинулись границы христианского мира» (ПД. III. 18), что «не хватит слов, чтобы досконально поведать, сколько... невыносимых лишений перенесли осажденные братья» (ПД. III. 95),

и что на месте одного из жестоких сражений появились горящие свечи в знак того, что «павшие там уже приняли терновый венец от Царя мучеников» (ПД. III. 123).

Мучения, испытываемые крестоносцами, отождествляются со страстями Иисуса Христа. Отсюда – постоянное стремление хрониста обратить внимание читателей на любовь Христа, обращенную к отдельным братьям ордена (то образ распятого Христа протягивает руки к крестоносцу как бы с намерением обнять его [ПД. III. 64]; то один из крестоносцев, находясь в походе, получает святое причастие [ПД. III. 232]; то рыцари погибают в битве, получив пять ран «наподобие пяти ран Христа» [ПД. III. 150, 206]), или на желание крестоносцев (в духе средневекового немецкого мистицизма) подражать Христу. Не случайно Петр из Дусбурга включил в свою «Хронику» эпизод, в котором образ распятого Христа (тоже в духе немецкого мистицизма) благословляет молящегося перед распятием рыцаря (ПД. III. 69). Не исключено здесь и влияние Бернарда Клервоского (Trupinda 2000. S. 199), взгляды которого, как известно, были усвоены крестоносной идеологией, особенно в том, что касается спасения души: погибшие рыцари навеки «воссоединяются со своим Господом» («...magis exsulta et gloriae, si morieris et iungeris Domino». – PL. 182. Col. 923B). В этом усматривают проявление новой христианской религиозности со свойственным ей восприятием Христа как богочеловека, говорят о типологической связи рыцарей Тевтонского ордена с Христом, превращающей их в некий образ Христа (*imago Christi*) (Dygo 1993. S. 172–173).

Крестоносную идеологию питают библейские сюжеты и библейские герои (Rousset 1983. P. 53), проводятся параллели между библейской и современной историей, между героями Библии и рыцарями ордена. Почти эпического масштаба в этом отношении достигает образ комтура Кёнигсберга Бертольда Брухаве (ПД. III. 236), который в представлении хрониста во всем превосходит библейских персонажей и оказывается «сильнее Самсона... святее Давида... мудрее Соломона» (Там же).

Ярчайший пример использования Библии – это, разумеется, глава «Об оружии плотском и духовном», в которой хронист виртуозно истолковывает библейский текст, превращая его в аллереорию: «плотское» оружие (щит, меч, копьё, лук, праща, шлем и др.) становится оружием «духовным», в конечном счете – оружием спасения (ПД. II. 8.). Вот где особенно проявился тот «вкус к риторике (*le gout de la rhétorique*)», который отметил в своей

монографии об истории крестоносной идеологии П. Руссе (Rousset 1983. P. 51). Война с язычниками превращается здесь в нечто более изощренное, чем священная война; эту войну хронист называет новой (*novum bellum*): ведь теперь каждому виду оружия придается духовный смысл – «оружие Божье», оружие добродетели и правды. Образцами для подражания становятся библейские герои – царь Давид и Иуда Маккавей, носители именно такого (духовного) оружия, а вслед за тем рыцари ордена превращаются в «новое воинство» (*nova militia*), в духе «терминологии» Бернарда Клервоского.

В XIV в. Тевтонский орден превратился в институт, старавшийся донести до своих рыцарей содержание Библии («eine Institution, die sich... während des gesamten 14. Jhs. darum bemühte, ihren Mitgliedern die Bibel zu vermitteln». – Löser 1998. S. 37). Книги Ветхого Завета предоставляли место не только для аллегорического переосмысления, но и для воспоминаний о пережитом. Например, в «Книге Ездры и Неемии» один из эпизодов происходит в Святой земле, где идет восстановление стен Иерусалима; он явно относится не только (и не столько) к библейским героям, а прежде всего подразумевает испытанное самими крестоносцами:

Wir kerten alle wider hin
Ieclicher zu dem werke sin,
Ein teil der iungen zu arbeit,
Die andren waren zv strite bereit
Mit spere schilde vnd halsperc.
Die eine hant treib vf das werc,
Die andre steteclich daz swert
Zv strite hielt gar vnervert... (v. 1622–1629).

(Это поэтический парафраз библейского текста: «...и все мы возвратились к стене, каждый на свою работу... половина молодых людей у меня занималась работою, а другая половина их держала копьа, щиты, и луки, и латы... Строящие стену... одною рукою производили работу, а другою держали копье». – Неем. 4: 15–17). Этот же фрагмент Библии предоставляет Петру из Дусбурга возможность отнести его к орденским рыцарям в Пруссии: «Воистину, воплотилось в них то, что говорится об иудеях, желавших восстановить святой град Иерусалим, противостоя сопротивлению язычников, что половина их занималась работою, а другая держала

копья от восхода зари до появления звезд; одною рукою производили работу, а другою держали меч» (ПД. III. 172). В крестовых походах на Ближний Восток тевтонские рыцари воочию увидели землю, где происходили описанные в книгах «Ездры» и «Неемия» события. В поэтическом парафразе «Ездра и Неемия» имеются и другие фрагменты, напоминающие эпизоды «Хроники» Петра из Дусбурга и, видимо, ставшие для него образцом: «Wir riefen gotes helfe an / Vnd satzen vnser hutesman / Der muren tac vnd ouch die nacht / Daz vnser arbeit wurde volbracht». – v. 1594–1597) («Мы воззвали к помощи Божьей и разместили наших стражей, денно и ночью охранявших стены, ради исполнения нашего труда»); или же содержащие мольбу к Господу о спасении: «Dv bist gerecht got israhel, / Wir sint verslan. gib vns din heil». – v. 1200–1201) («Ты справедливый Бог Израиля, Мы убиты. Даруй нам спасение»).

Особое место в идеологии ордена среди памятников орденской литературы занимали «Книги Маккавейские», «замковый (краеугольный) камень переложения Ветхого Завета на немецкий язык» («Das “Buch der Maccabäer” soll den Schlußstein zu der Verdeutschung des Alten Testaments bilden...». – Jungbluth 1969. S. 40). Маккавеев считали ранними христианами, а «Книги Маккавейские» привлекли к себе внимание в конце XII в., на волне 3-го крестового похода, поскольку в них содержался образец рыцарства, рыцаря-крестоносца (*miles Dei*), слуги Божьего. В немецком парафразе Иуда Маккавей – «вождь рыцарства» («vurste... der ritterschaft». – v. 1997), сражающийся с язычниками (*die heiden*). Библейский сюжет вполне вписывается в мир реалий немецкого крестоносца. Маккавеи стали прообразом Тевтонского ордена в Пруссии – с той лишь разницей, что немецкие крестоносцы не только защищали свою веру, но и обращали в нее прусские племена, выступая при этом словно бы наследниками маккавейских войн. Поэтический парафраз «Книг Маккавейских» появился в ордене в XIV в. Его автор (возможно, им был верховный магистр Лютер Брауншвейгский [1331–1335]) искусно соединяет исторический и аллегорический смысл («nach sinnen der historien / und ouch der allegorien». – v. 107–108). Впрочем, аллегория преобладает настолько, что исторические границы стираются, и Маккавеи превращаются в прообраз тевтонских рыцарей в той же мере, в какой тевтонские рыцари – в их преемников, воплощая собою «новых Маккавеев» («novi sub tempore gratie Maccabei»), как назвал их в булле от 16 января 1221 г. папа Гонорий III. Иными словами, они

ведут войну и как ветхозаветные, и как «новые» Маккавеи (Wüst 2013. S. 161). И Маккавеи, и рыцари ордена объединены общим понятием – «рыцарство» (*ritterschaft*), с которым контрастирует понятие «язычество» (*heidenschaft*). В Прологе к Статутам Тевтонского ордена Маккавеи тоже названы предтечами крестоносцев и крестовых походов (Die Statuten 1890. S. 25, с. 3.). «Книги Маккавейские», позволяющие усмотреть аналогию между подвигами Маккавеев и историей христианства, прочно вписались в круг сочинений, образывавших основу орденской идеологии, как об этом свидетельствует не только «Хроника» Петра из Дусбурга, но и хроники Генриха Латвийского и Николая фон Ерошина. Основное содержание «Книг Маккавейских» – войны между христианами и язычниками, пусть даже праведниками мыслятся то греки, ведомые Александром Македонским против язычников – персов, то израильтяне, живущие в языческом окружении в царстве Давида. Иудеи побеждают язычников силою веры («Die Juden striten mit der hant / ir herze was an got gewant». – v. 11193–11194), что вновь заставляет вспомнить «духовное оружие», проповедуемое Петром из Дусбурга.

Для рыцарей Тевтонского ордена «Книги Маккавейские» превращаются в апологию войны, которую вели «слуги Божьи» в Пруссии, вкладывая в нее всю свою веру и ожидая от Бога непременно вознаграждения их по смерти за мученичество, и даже в «маккавейскую идеологию» ордена (Jencks 1989. P. 187). Цитатами из «Книг Маккавейских» полнится «Хроника» Петра из Дусбурга. Здесь и призыв: «отмщайте за обиды народа вашего и воздайте воздаяние язычникам» (ПД. II. 6), и отчаяние: «Горе нам! Для чего родились мы видеть разорение народа нашего и разорение земли нашей и оставаться здесь, когда она предана в руки врагов? Убиты старики его, юноши его пали от меча врага. Та, что раньше была свободной, сделалась рабой. Вот святыни наши, и благолепие наше, и слава наша опустели, и язычники осквернили их. Для чего нам еще жить?» И они разодрали одежды свои, и облеклись во вретича, и с ними весь присутствовавший народ, исполненный великим страхом, горько плакал» (ПД. III. 40), и утешение «Тех, кому случится читать эту книгу, прошу не страшиться напастей и уразуметь, что эти страдания служат не к погублению, а к вразумлению рода нашего... Он [Господь] никогда не удаляет от нас Своей благодати и, наказывая несчастиями, не оставляет Своего народа» (Там же. III. 172). Не удивительно, что «Книги Маккавейские» были выбраны для

перевода на народный язык. Маккавеи превращаются в основную ветхозаветную модель для исторического и богословского обоснования «новых» войн в Пруссии и ее завоевания (Fischer 2001. P. 270).

Героини библейских книг Иудифь (поэтический парафраз «Книги Иудифь» появился одним из первых, в 1254 г.) и Есфирь, отдававшие себя на благо своему народу, служили орденским рыцарям идеальным примером для подражания. Кроме того, будучи послушными исполнительницами промысла Божьего, в литургической традиции ордена они считались прототипами Девы Марии (Trupinda 1999. S. 175). Вероятно, в образе Иудифи тевтонские рыцари-монахи узнавали (или хотели видеть) себя, ожидая, что Бог поможет и им одолеть врагов оружием веры и добродетели; к тому же пример Иудифи позволял им оправдать насильственные действия против язычников, «обращаемых в истинную веру», – ведь, будучи крестоносцами, они отстаивали ее с оружием в руках, а парафраз «Книги Иудифь» внушал рыцарям, что они ведут «духовную» войну.

В «Книге Есфирь» (полагают, что ее парафраз возник между 1254 и 1260 гг.) положение пленных иудеев в Персии царя Артаксеркса виделось аналогией положению рыцарей Тевтонского ордена в языческом окружении. Крестоносцы, подобно иудеям, тоже нуждались в заступничестве перед Богом. Отсюда интерес к этому библейскому повествованию и его появление на немецком языке. Типология образов в эпилоге соответствует христианской традиции, но понятно, что для орденских рыцарей образ Девы Марии был наполнен особым смыслом. Эпилог парафраза – вознесение хвалы Есфири, посреднице между Мардохеем и царем Артаксерксом, которая словно бы превращается в прообраз Девы Марии, выступающей заступницей рыцарей перед Иисусом: «...unse hester anschrien, / ich meine di lieben marien, / daz sie den kunic assuerum, / den edelen iesum christum, / vor uns getruwelichen bite / daz uns sine helfe wone mite». – v. 1951–1956). Образы Есфири и Девы Марии переплетаются, хотя, несомненно, такие формулировки, как «мать всей правды» («muter aller truwe». – v. 1971) и не раз повторяемые «мать милосердия» («muter der barmherzekeit». – v. 1974, 2003, 2009) и «заступница» («ein vorsprecherinne». – v. 1998), относятся именно к Деве Марии. Лексика родственна текстам средневековых немецких мистиков: *minne* (любовь), *minnecliche* (любимый). И, разумеется, к Деве Марии обращается автор как к «невесте Господа» («du minnecliche gotes brut». – v. 1992) (Матузова 2019).

Современный немецкий исследователь М. Калибе справедливо усматривает типологическое соответствие между образами Есфири и Артаксеркса и Девой Марией и Иисусом. Есфирь, заступница Мардохея перед царем Артаксерксом, становится прообразом Девы Марии, заступницы христиан, в данном случае – рыцарей Тевтонского ордена, перед Христом (Caliebe 2000. S. 472; текст см.: Hester 1985. S. 268–269). Благоговейное отношение к Есфири (*unse Hester*) напоминает то, с каким пиететом относились рыцари ордена к Деве Марии, молитвой к которой вполне естественно завершается немецкий парафраз. В ней звучит просьба автора вечно молиться за своих собратьев:

...vrowe, durch dine groze mildekeit
tu so wol und verebene uns
in die vruntschaft dines suns
mit diner bete, also daz wir
mit allen heiligen bi dir
nach sinem willen in loben da
per infinita secula.
AMEN (vv. 2010–2017).

В библейских поэтических парафразах, как и в орденском историческом описании, традиционно сохраняется противопоставление «праведных» (будь то христиане или иудеи) и «язычников», война с которыми легитимизируется, как говорилось выше, благодаря созданной в Тевтонском ордене общими усилиями богословов и поэтов прочной духовной основе, объединяющей крестоносцев с высшими божественными силами.

Крестоносная идеология, возникшая в Средние века на волне такого исторического события «большой длительности» (выражаясь языком современной французской исторической науки), как крестовые походы, вектор которых протянулся на многие столетия, сохранялась в Тевтонском ордена в XIII–XIV вв. Она служила его интересам в завоевании Пруссии, когда основной задачей ордена было покорение и обращение в христианство языческих прусских племен, живших у восточных границ Священной Римской империи, равно как и формированию самоидентификации и самосознания орденских рыцарей, их воспитанию, что способствовало укреплению ордена как воинской корпорации.

- Матузова В.И.* Литература Тевтонского ордена в Пруссии: поэтические парафразы книг Библии (конец XIII – XIV вв.) // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях: юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М., 2019. С. 313–326 (в печати).
- Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / изд. подг. В.И. Матузова. М., 1997.
- Arnold U.* Elisabeth und Georg als Pfarrpatrone im Deutschordensland Preußen: Zum Selbstverständnis des Deutschen Ordens // Elisabeth, der Deutsche Orden und ihre Kirche: Festschrift zur 700jährigen Wiederkehr der Weihe der Elisabethkirche Marburg 1983 / Hrsg. U. Arnold, H. Liebing. Marburg, 1983. S. 163–185. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 18).
- Arnold U.* Die Frau im Deutschen Orden // Stationen einer Hochschullaufbahn: Festschrift für Annente Kuhn zum 65. Geburtstag / Hrsg. U. Arnold, P. Meyers, U.C. Schmidt. Dortmund, 1999. S. 261–276.
- Arnold U.* Georg im Deutschen Orden bis zur Regelreform im 17. Jahrhundert // Sankt Georg und sein Bilderzyklus in Neuhaus/Böhmen (Jindřichův Hradec): Historische, kunsthistorische und theologische Beiträge / Hrsg. E. Volgger. Marburg, 2002. S. 161–171. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 57).
- S. Bernardi abbatis De laude novae militiae. C. 1 // PL. T. 182. Col. 921–940. Das Buch der Maccabäer in mittelalterlichen Bearbeitung / Hrsg. K. Helm. Tübingen, 1904.
- Caliebe M.* Neue Beiträge zur literarhistorischen Einordnung des Deutsch-Ordens-Hester und zur Geschichte des Estherstoffes // Das Preußenland als Forschungsaufgabe: Festschrift für Udo Arnold zum 60. Geburtstag / Hrsg. B. Jähnig, G. Michels. Lüneburg, 2000. S. 471–478.
- Düsterwald E.* Studien zur politischen Geschichte des Deutschen Ritterordens. Sankt Augustin, 1973.
- Dygo M.* The Political Role of the Cult of the Virgin Mary in Teutonic Prussia in the Fourteenth and Fifteenth Centuries // Journal of Medieval History. Amsterdam, 1989. Vol. 15, no. 1. P. 63–80.
- Dygo M.* Die heiligen Deutschordensritter. Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preussen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter / Hrsg. Z.H. Nowak. Toruń, 1993. S. 165–176.
- Esdras und Neemyas: Eine Deutschordensdichtung aus dem 14. Jahrhundert / Hrsg. S.D. Stirck. Breslau, 1938.
- Fischer M.* Biblical Heroes and the Uses of Literature: The Teutonic Order in the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot etc., 2001. P. 261–275.

- Hester. Eine poetische Paraphrase des Buches Esther aus dem Ordensland Preussen / Hrsg. M. Caliebe. Marburg, 1985. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 21).
- Jencks A.* Maccabees on the Baltic: The Biblical Apologia of the Teutonic Order: Diss. phil. Seattle, 1989.
- Judith / Hrsg. H.-G. Richert. Tübingen, 1969.
- Jungbluth G.* Literarisches Leben im Deutschen Ritterorden // Zur Geschichte des Deutschen Ordens: Zwei Studien. Köln; Wien, 1969. S. 27–51. (Studien zum Deutschtum in Osten; Heft 5).
- Karłowska-Kamzowa A.* Ilustrowane Apokalipsy krzyżackie z XIV w. // Studia o działalności i zbiorach biblioteki Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. Toruń, 1991. T. 6. S. 79–135.
- Löser F.* Übersetzungen zum Begriff des Deutschordensliteratur und zur Bibelübersetzung // Studien zu Forschungsproblemen der deutschen Literatur in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. C.L. Gottmann, P. Hörner. Frankfurt/M, 1998. S. 7–37.
- Das Passional: Eine Legenden-Sammlung des 13. Jhs. / Hrsg. K. Köpke. Quedlinburg; Leipzig, 1852.
- Rousset P.* Les origines et les caractères de la première croisade. Neuchâtel, 1945.
- Rousset P.* Histoire d'une idéologie: *La Croisade*. Lausanne, 1983.
- Rosenberg B.-M.* Marienlob im Deutschordenslande Preussen: Beiträge zur Geschichte der Marienverehrung im DO bis zum Jahre 1525 // Acht Jahrhunderte Deutschen Orden in Einzeldarstellungen / Hrsg. P.K. Wieser O.T. Bad Godesberg, 1967. S. 321–337.
- Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften / Hrsg. M. Perlbach. Halle, 1890.
- Trupinda J.* Biblijne i literackie zapożyczenia w kronice Piotra z Dusburga: Próba częściowej rekonstrukcji warsztatu pisarskiego // Szlachta, starostowie, zaciężni / Pod red. B. Śliwińskiego. Gdańsk, 1998. S. 343–374. (Gdańskie Studia z Dziejów Średniowiecza; № 5).
- Trupinda J.* Ideologia krucjatowa w Kronice Piotra z Dusburga. Gdańsk, 1999.
- Trupinda J.* Krucjatowe poglądy świętego Bernarda z Clairvaux a ideologia zakonu krzyżackiego zawarta w Kronice Piotra z Dusburga // Cystersi w społeczeństwie Europy Środkowej / Red. M. Wyrwa, J. Dobosz. Poznań, 2000. S. 190–204. (Materiały z konferencji naukowej).
- Wenzel H.* Höfische Geschichte. Bern, 1980.
- Wüst M.* Studien zum Selbstverständnis des Deutschen Ordens im Mittelalter. Weimar, 2013. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 73).

CRUSADING IDEOLOGY IN THE WRITINGS OF THE TEUTONIC ORDER IN PRUSSIA IN THE 13TH AND 14TH CENTURIES

The article gives a general outline of crusading ideology in the writings (historiography and German poetical paraphrases of the books of Old Testament) of the Teutonic Order in Prussia (the thirteenth and fourteenth centuries). The Teutonic Order was established in the Holy Land in 1190, during the Third Crusade. However, in the thirteenth century its wars in Prussia were equated (and approved by the papacy) with the crusades to the Holy Land. The chief work of the Order's historiography is the *Chronicon terrae Prussiae* by Peter of Dusburg who wrote, so to say, the "programme" work of the Order, which expressed its crusading ideas and at the same time served as its apologia and its "encyclopedia" *sui generis*. The author describes the Prussians as the worst enemies of the Christians, and theologically legitimizes the Order's wars in Prussia as a holy war (i.e. a crusade), the more so as God takes the side of the crusaders. Hagiography, being the inherent part of crusading ideology, serves the same task. Virgin Mary, Saint George and Saint Elisabeth were regarded as "official" patrons of the Order representing each a particular aspect of its existence. However, Peter of Dusburg used every chance to show the Teutonic knights as saint martyrs. Generally, the author, time and again, uses the Bible to erase boundaries between the distant past and the contemporaneity, and shows the links between the Teutonic Order and Christ with the support of the new Christian piety. The knights are *militia Christi*. The author not only uses the concepts of Bernard of Clairvaux, but also develops them. The striking example is the allegory of bodily and spiritual arms. In this part of his *Chronicle* Peter of Dusburg interprets every weapon in his text as a spiritual one, ultimately as the weapon of salvation, while *novum bellum* comes to take the place of the holy war. The heroes of the Bible are identified with the Teutonic knights in Prussia. The special place belongs to the Maccabees, who became the proto-type of the Teutonic Order in Prussia, while the Teutonic knights are their successors. Judith and Hester, the two biblical pious and self-sacrificing heroines, also, serve good examples to the Teutonic crusaders. The books of Ezra and Nehemiah of the Old Testament are to remind of the crusading past of the Order in the Holy Land. Christians in the poetical paraphrases of the Bible traditionally contrast with pagans in order to legitimize the wars against the Prussians. Crusading ideology served interests of the Teutonic Order in Prussia in its wars and in its task to subjugate and convert the Prussian tribes, as well as to form the self-identity of the Teutonic Order and the self-consciousness of its knights as well as to tighten discipline of the military corporation.

Key words: crusades, crusading ideology, the Teutonic Order, Prussia, Peter of Dusburg, *Chronicon terrae Prussiae*, the Bible